

На направлениях главного удара

Григорию Бакланову — 80

“Я иногда и сам поражаюсь: какая долгая жизнь! Семнадцать лет в Воронеже до войны, а каждый год в юности, в детстве, как вечность. Потом — война, четыре года. Да разве годами ее измеришь, если один день бывал длиннее тысяч и тысяч жизней. И в каждом, кто войну прошел, она все длится. А послевоенные годы! Годы? Несколько эпох. И все это — одна жизнь” (здесь и далее цитируется книга Григория Бакланова “Жизнь, подаренная дважды”, М.: “Вагриус”, 1999).

Восприятие любых событий прежде всего через войну у людей из поколения Григория Яковлевича вполне естественно — “из всего нашего класса, из тех ребят, что были призваны в армию или сами пошли на фронт, мне единственному суждено было живым вернуться с войны”. Но назвать победу в ней единственным делом их жизни не получается. Им выпала судьба стоять на направлениях главного удара, переходя из глухой обороны в решительное наступление по крайней мере трижды.

“Оттепель” 60-х. Как-то уже забылось, а может быть, и просто сейчас непонятно, какую бездну надо было заполнять после XX съезда, когда начался первый частичный демонтаж сталинской политической машины. Не существовало такой сферы, области в культуре, направления в мысли, которые не были бы деформированы, искажены до неузнаваемости за предшествующие десятилетия, где не были бы смещены нравственные ориентиры, поменяны флажки и знаки. Требовалась долгая, тяжелая, нескоро приносящая плоды каждодневная работа. И социализм с человеческим лицом был тогда куда большим нравственным прорывом, чем нынешняя эволюция к полной и беспредельной свободе. Детский поэт, пишущий о природе и обычном мире детства, а не о пионерских организациях, совершал мужественный поступок, а если при этом он был еще и поэтом! И то же с музыкой, живописью etc. А чтобы понять, от чего мы отошли, достаточно сравнить публикации в СМИ не только 40-х и 60-х годов, но даже “крамольных” 60-х с “застойными” 80-ми — ведь и при Брежневе интеллигенция не сдавала уже раз завоеванный плацдарм, а тихо и незаметно его расширяла. И вещи, казавшиеся ранее безумно смелыми, впоследствии настолько вошли в сознание каждого человека, что стали уже нормой.

Бакланов был ярким участником этого процесса. О главных произведениях писателя — “Южнее главного удара”, “Пядь земли”, “Мертвые сраму не имут”, “Июль 41 года”, “Карпукин”, “Навеки — девятнадцатилетние”, сделавших ему имя и принесших общесоюзную известность, говорить подробно, по-моему, особого смысла нет — их, слава Богу, многие еще помнят. Цензурно изувеченные, изруганные тогдашней критикой за порочащую светлый облик социализма “окопную правду”, выходявшие с большим запозданием в глухие советские времена, они после прорыва печатались сотнями тиражами, переиздавались вновь и вновь, читались и пе-

речитывались по всей стране: “Библиотекаря из села писала, что за журналами, в которых повесть (“Пядь земли” — П.Н.), очередь в библиотеке — сто двадцать человек, у них еще этого не бывало”.

Помимо прозы Бакланов писал статьи и очерки, киносценарии, хотя среди последних безоговорочной удачей считает только “Был месяц май”, по которому М.Хуциев снял фильм. Его пьесу “Пристегните ремни!” поставил Ю.Любимов в Театре на Таганке, и вместе с режиссером автор от начала до конца прошел нелегкий путь “утверждения” своего детища через официальные инстанции.

Сегодня уже трудно представить, какой драматический выбор стоял перед каждой творческой личностью: где можно полнее реализовать себя, здесь или там? Полная свобода творчества в эмиграции при отсутствии широкой аудитории или работа под цензурным гнетом здесь? Выбор этот сугубо индивидуален и, наверное, правилен в обоих случаях. Любимов предпочел уехать. Бакланов остался. В 1986 году ему предложили возглавить “толстый” журнал. “Не стану скрывать, хотелось мне этого, но — в свое время, думалось даже: вот уж я тогда... Потому и хотелось, что мне это не угрожало. Ничего бы я в ту пору не сделал, а кончил бы ранним инфарктом или инсультом, пример тому — подвигническая судьба Твардовского”. Но в эпоху планности он в определенном смысле оказывается продолжателем дела Твардовского.

Приняв пост главного редактора “Знамени”, Бакланов нарушил один из своих основных жизненных принципов — “не служить”. Действительно, Григорий Яковлевич никогда ни в одном официальном учреждении не работал: сначала потому, что не брали, потом — потому, что предпочитал быть независимым. Но появилась цель, во имя которой стоило практически все семь лет “службы” не писать: “А хотел я вернуть людям часть культуры, которая была у них отнята, хотел, чтобы журнал стал центром притяжения всего талантливого: и в прозе, и в поэзии, и в публицистике, и в критике”. Среди произведений, впервые напечатанных в “Знамени” при Бакланове, — “По праву памяти” А. Твардовского, “Новое назначение” А. Бека, “Повесть непогашенной луны” Б. Пильняка, “Верный Руслан” Г. Владимова, “Собачье сердце” М. Булгакова, “Черные камни” А. Жигулина, “Пашков дом” Н. Шмелева, да всего не перечислишь. И практически за каждую публикацию приходилось бороться.

Г.Бакланов

Журнал в перестроечные годы входил в число самых читаемых в СССР. А в начале 90-х — гиперинфляция и как следствие обвальное падение тиражей. “Я не мог оставить журнал, пока он был в тяжелом положении. Но теперь у него неплохое имя, финансово он окреп. (...) И ушел — вновь заниматься делом моей жизни”. Чтобы, снова сев за письменный стол, скажем, написать роман “И тогда приходят мародеры”, по признанию самого автора, как бы завершающий рассказ о судьбе своих сверстников, начатый еще в 50-е годы в “военных” повестях.

У писателей его поколения есть прекрасные, пронзительные книги и о дне нынешнем. Но не это является сейчас главной темой их творчества. Они словно торопятся договорить о прошлом — о детстве и юности, об “оттепели” и перестройке, о том, о чем не дала рассказать до конца откровенно советская цензура. Хотя, подзревая, дело тут не в цензуре. Возвращаясь к прошлому, они переосмыслиют его на рубеже веков и в совсем иной стране, чем страна их военной юности. Но услышат ли в этой “иной”

стране правду “двадцатилетних лейтенантов”? Ведь если читателю интересны прежде всего книги, отвечающие на вопросы животрепещущие: как жить — в этом году, кто виноват, что делать — теперь, то многим ли тогда нужны сегодня “Vixi” Адамовича, “Веселый солдат” Астафьева, “Жизнь, прожитая дважды” Бакланова?

Полагаю, что таких читателей наберется немало, но отвечать буду только от своего имени. Последнее время я не раз пытался понять, почему из всей нашей современной литературы я по-прежнему читаю и перечитываю прежде всего шестидесятников. Потому что именно они некогда помогли мне найти нравственную опору в той, советской действительности? Но Советского Союза давно нет, а интерес к ним по-прежнему не угас.

Видимо, эти книги, равно как и десятки, сотни неназванных, не устаревают, а просто переместились в другое литературное пространство, отвечающее уже, подобно русской классике XIX века, на иной, самый серьезный вопрос: как вообще жить человеку? Они — о его духовных ценностях и жизненных ориен-

тирах, о желании и умении не раз на протяжении жизни улавливать в изменившейся эпохе главное и находить в ней себя и свое дело, о способности на поступок — бросить самое для себя важное ради другого, быть и оставаться самим собой — в любое время, при любом строе.

“Хотел бы ты жить в другое время? Я бы не хотел. Это мой век. Мне хочется верить, что от многих ослеплений мы все же избавили человечество, заслонив его собой, и оно не повторит безумств нашего времени. Мне хочется верить, что мужество и человечность пребудут с ними, как не покидали они нас в самые тяжкие часы испытаний”.

PS. В последние несколько лет, когда настоящая литература все-таки по-прежнему создается, а информация о ней в принципе до широкого читателя не доходит, у Г.Я.Бакланова помимо “Жизни, прожитой дважды” увидели свет следующие книги:

Собр. соч. в 3-х т. М.: “Русская книга”, 1999;

“Мой генерал”. Повести и рассказы. М.: “Вагриус”, 2000.

Павел НУЙКИН
Фото ИТАР-ТАСС